

УДК 82-32+82.0+82(091)

## МОТИВ СОВМЕСТНОГО ЧТЕНИЯ В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

О.Н. Турышева (Екатеринбург, Россия)

### Аннотация

*Постановка проблемы.* Литературный мотив совместного чтения до сих пор не был предметом ни теоретического, ни историко-литературного описания.

*Материал* статьи составляют повествовательные произведения разных литературных эпох, изображающие опыт партнерского чтения.

*Цель* статьи – в опоре на эстетическую мысль времени проследить, как меняется семантика мотива совместного чтения в литературе разных художественных парадигм.

*Обзор научной литературы по теме.* Исследования мотива чтения в литературе следует признать редкими. Как правило, они ограничиваются анализом характера изображения чтения индивидуального и обращены к выявлению круга чтения героя, изображенного в акте взаимодействия с литературой. В науке существует только один опыт изучения художественной репрезентации совместного чтения. Это статья Н.Д. Кочетковой 1983 г., посвященная совместному чтению героев литературы сентиментализма. Автор данной статьи на отдельных примерах прослеживает, как меняется семантика мотива партнерского чтения в литературе разных исторических периодов.

*Методология исследования.* Методология исследования синтетична и объединяет имманентный анализ текстов, содержащих мотив совместного чтения, с опорой на историко-литературную, сравнительную и герменевтическую методологию.

*Результаты* исследования касаются выявления особенностей художественного изображения опыта совместной коммуникации с книгой в литературе традиционализма, Нового и Новейшего времени.

*Заключение.* Эволюция литературного мотива совместного чтения непосредственно связана с эволюцией эстетических и философских представлений о прагматике литературы и субъектности человека.

**Ключевые слова:** *мотив индивидуального чтения, мотив совместного чтения, мотив партнерского чтения, читающий герой.*

**П**остановка проблемы. Литературный мотив совместного чтения до сих пор не был предметом историко-литературного описания. В художественных произведениях, касающихся темы чтения, он представлен значительно реже по сравнению с мотивом чтения уединенного. И все же выделить семантические оттенки в изображении совместной читательской деятельности в литературе разных исторических периодов представляется вполне возможным.

Каждый из названных мотивов репрезентирован определенного рода сюжетными ситуациями. Так, ситуация *уединенного* чтения подразумевает систему, ограниченную двумя взаимодействующими элементами: читатель и книга.

В ситуации *совместного* чтения эта двукомпонентная система дополняется новыми звеньями: одну книгу читают носители разных сознаний, по отношению друг к другу они выступают в роли Другого как субъекта иного взгляда на мир и на предмет чтения. Поэтому наличие партнера по чтению особым образом семантизирует ситуацию коммуникации с книгой. В этом случае читательская деятельность вовсе не ограничивается задачами понимания смысла, сопереживания героям, утешения и т.д., как это бывает при чтении индивидуальном, когда читатель вступает во взаимодействие только с тем с сознанием, которое воплощено в тексте – сознанием героя или автора. В статье и ставится задача выявления тех целей и результатов, с которыми сама литература связывает опыт совместного чтения.

*Материал* статьи составляют отдельные повествовательные произведения разных литературных эпох, наиболее репрезентативные с точки зрения характера изображения опыта партнерского чтения.

*Цель* статьи – в опоре на эстетическую и философскую мысль времени проследить, как меняется семантика мотива совместного чтения в литературе разных художественных парадигм.

*Обзор научной литературы по теме.* В нашем предшествующем исследовании, посвященном изображению в литературе читающего человека [Турьшева, 2011], ситуация совместного чтения не выделялась в отдельную мотивную парадигму. В науке существует только один опыт изучения художественной репрезентации совместного чтения. Это статья Н.Д. Кочетковой, посвященная совместному чтению героев литературы сентиментализма [Кочеткова, 1983]. Мы же намереваемся на отдельных выразительных примерах проследить, как меняется семантика мотива в литературе разных исторических периодов. Обратим внимание и на то, что редкие исследования мотива чтения в художественной литературе, как правило, обращены к выявлению круга чтения читающего героя как средства его характеристики, а также к реконструкции сюжето- и смыслообразующего потенциала этого мотива (см., например: [Ковтун, 2014; 2015; 2022; Налегач, 2020]). Но опять же речь идет в первую очередь об изображенном в литературе чтении индивидуальном и уединенном. В то же время в научной литературе осваивается и мотив чтения коллективного, вовлекающего в обоюдную коммуникацию с литературой крупные сообщества людей. Например, в работах, посвященных аналитике романов Вс. Беннигсена «ГенАцид» и М. Елизарова «Библиотекарь», посвященных рефлексии о русском литературоцентризме (см., например: [Ковтун, 2025; Щербинина, 2010; Щербитко, 2013; Жиронкина, 2009; Ханов, 2015; Турьшева, 2013]). Мы же обратимся к мотиву, который подразумевает сотрудничество двух или нескольких читающих персонажей, объединенных рефлексией над совместно прочитанной книгой.

*Результаты исследования.* Первым опытом изображения совместного чтения в европейской литературе является чтение героев «Божественной комедии»

Данте – Франчески да Римини и Паоло Малатесто. Обращает на себя внимание то, что в рамках данной сцены читатели отнюдь не изображаются как носители индивидуальной субъектности. Читая роман Кретьена де Труа «Ланселот, или Рыцарь телеги», герои Данте оказываются едины в своем бессилии перед его властью: их совместное чтение завершается «цитированием» поцелуя героев куртуазного повествования. И хотя описание загробного существования Франчески и Паоло окружено в повествовании Данте сочувственными коннотациями, оно во все не распространяется на факт их грехопадения, источником которого является подчинение куртуазному тексту.

Осуждение подражательного чтения у Данте связано, безусловно, с предписывающим пафосом средневековой идеологии, в рамках которой светское чтение осуждалось как источник моделей ложной идентификации. Средневековая культура нормативным образцом полагала только идентификацию с Христом. Поэтому у Данте светское чтение и рассматривается как фактор грехопадения, а восприимчивые к литературному соблазну герои-читатели изображаются как обреченные сбиться с пути «в выдуманных страстях литературных героев». «Участуй [же] они в Страстях Господних, они оказались бы на верном пути», – так Жан Старобинский реконструирует логику средневековой фобии светского чтения [Старобинский, 2002, с. 314].

Факт *совместного* подчинения литературному соблазну особенным образом подчеркивает эти смыслы. Собственно, здесь ситуация партнерского чтения только и нужна, чтобы вывести из взаимодействия с книгой катастрофический результат, а вовсе не для того, чтобы акцентировать коммуникативный аспект чтения: герои *не коммуницируют* ни с книгой, ни друг с другом, они выведены как *жертвы соблазна*, как объекты обольщения со стороны текста. Недаром, рассказывая Данте о событии чтения, Франческа произносит: «Был беспечен каждый» (Данте, 1992, с. 30), так сетуя на то, что ни она, ни Паоло не подозревали об опасности очарования литературными страстями.

Аспект *коммуникации* в процессе чтения обнаруживает литература сентиментализма. Он подчеркнут, например, в изображении совместного чтения Вертера и Лотты в романе Гете «Страдания юного Вертера» (опубл. в 1774). В разговорах о прочитанном Вертер и Лотта обретают душевное единение друг с другом. Так, беседа о «Векфилдском священнике» Голдсмита, произошедшая в самом начале их знакомства, обнаруживает их эмоциональную близость – как и обоюдное воспоминание одной и той же оды во время деревенского бала: услышав от Лотты слово «Клопшток», Вертер сразу же понял, какое стихотворение «пришло ей на ум» и «погрузился в поток ощущений, которые она пробудила своим возгласом». А читая Лотте свой перевод «Поэм Оссиана», Вертер с особенным отчаянием переживает душевное родство с ней: «Оба были глубоко потрясены. Страшную участь героев песнопения они ощущали как собственное свое горе, ощущали его вместе, и слезы их лились согласно» (Гете, 1978, с. 94).

Совместный читательский опыт, таким образом, позволяет героям осуществить то, что Шиллер, размышляя о природе эстетического переживания, называл «общительностью», общительным единением (Шиллер, 2018). В «Письмах об эстетическом воспитании» (1795) он пишет об искусстве как сфере, в рамках которой осуществимо становление человека как «разумного существа», способного к пониманию другого: «Нет иного пути сделать чувственного человека разумным, как только сделав его сначала эстетическим» (Шиллер, 2018, с. 170).

Ту же мысль встречаем у Руссо, который оправдывает право читателя на подражание литературному персонажу верой в высокое моральное воздействие книги. Исследователь «Исповеди» Руссо Ж. Старобинский объясняет этот пафос произошедшей в XVIII в. «реабилитацией страстей», формированием авторитета индивидуальных чувств – на почве кризиса незыблемого ранее авторитета идеи нормативной идентификации с Христом. Авторитет, на который опирается Руссо, как объясняет Ж. Старобинский, «это принцип сердечной общительности, который обеспечивает единение сознания и чистоту сердец» [Старобинский, 2002, с. 317]. В логике Руссо читательское подражание ведет не к потере подлинного пути (как мы видели на примере эпизода чтения Франчески и Паоло у Данте), а, наоборот, к освобождению естественного человека – в приближении к себе и единении с Другим. Мотив совместного чтения как раз и реализует эту веру в возможное единение душ.

Как показала Н.Д. Кочеткова, последующая литература активно развивает этот заданный гетевским «Вертером» мотив – мотив совместного чтения как залога сердечного сближения его участников [Кочеткова, 1983]. Причем герои, например русских сентиментальных повестей, читают, как правило, именно «Вертера». Так, в повести Д.П. Горчакова «Пламир и Раида» центральным эпизодом оказывается совместное чтение романа Гете: «Пламенный слог автора получил новую душу в устах Пламира. Все оттенки чувствований были выражены со всею точностию. Пламир находил подлинник сей книги в сердце своем, а сердце выражать умеет. Раида сидела возле него. Нечувствительно голова ее почти наклонилась на плечо Пламира, локоть ее касался его локтя, взоры на него устремлялись; его голос проникал ей до внутренности сердца, и она чувствовала так, как он выражал. Дыхание ее становилось тягостно. По окончании одного периода, где автор изображал весь огонь пылающей любви, Пламир остановился, взглянул на Раиду. Взоры их встретились, и взаимное чувство, подобно электрической искре, мгновенно из одного в другое переселилось и сотрясло сердца их» (цит. по: [Кочеткова, 1983, с. 36]).

При всем сходстве со сценой чтения «Ланцелота» героями Данте отличие видимое: здесь книга не подчиняет соблазну, а создает у чтецов переживание единения: в описании Горчакова чувство рождается не по велению книги, а по велению самих читателей, нашедших «подлинник книги в сердце» своем.

При этом интересно, что совместное чтение в литературе сентиментализма уже препятствует повторению книжного жеста, герои, идентифицируя себя с литературными персонажами, иронически уклоняются от тотального подчинения сюжета. Ирония – результат *совместной* рефлексии над книгой. Выразительный пример – новелла Ж. Нерваля «Сильвия» (1853). Влюбленные герои отождествляют себя с героями «Вертера»: «Иногда я называю ее Лолотой, а она находит во мне сходство с Вертером, за вычетом, разумеется, пистолетов, которые сейчас не в моде» (Нерваль, 2001). Примечание рассказчика «за вычетом пистолетов» – выразительное свидетельство невозможности полной идентификации с литературным персонажем, т.к. его жест стал предметом *обоюдной* рефлексии героев-читателей.

В последующей литературе, разрабатывающей мотив совместного чтения, понимание другого сменяет иной залог чтения – *возможность преобразования*, «восстановления погибшего человека». Конечно, классический пример – это эпизод совместного чтения Сони и Раскольникова сцены о воскрешении Лазаря. Так как этот эпизод получил в отечественной мысли о Достоевском глубокое и всестороннее осмысление (см., например, хронологически последнюю статью на эту тему: [Касаткина, 2025]), обратим внимание только на один его аспект, особенно важный в рамках нашей темы. Чтение евангельской сцены в объекте возможного воскрешения подразумевает не только Раскольникова (что составляет очевидную надежду Сони), но и ее саму: это чтение-сотрудничество, его итоги взаимны для участников сцены. Для Сони новое прочтение притчи, к тому же адресованное преступнику, также способ приближения к «тайне» собственного воскрешения:

«Раскольников понимал отчасти, почему Соня не решалась ему читать, и чем более понимал это, тем как бы грубее и раздражительнее настаивал на чтении. Он слишком хорошо понимал, как тяжело было ей теперь выдавать и обличать все свое. Он понял, что чувства эти действительно как бы составляли настоящую и уже давнишнюю, может быть, тайну ее, может быть, еще с самого отрочества, еще в семье, подле несчастного отца и сумасшедшей от горя мачехи среди голодных детей, безобразных криков и попреков. Но в то же время он узнал теперь, и узнал наверно, что хоть и тосковала она и боялась чего-то ужасно, принимаясь теперь читать, но что вместе с тем ей мучительно самой хотелось прочесть, несмотря на всю тоску и на все опасения, и именно ему, чтоб он слышал, и непременно теперь – “что бы там ни вышло потом!”... Он прочел это в ее глазах, понял из ее восторженного волнения...» (Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 251).

Подобные смыслы содержат сцены совместного чтения в романе Э. Бронте «Грозовой перевал» (1847). Это сцены, в которых Кэтрин учит читать Гэртона Эрншо. Обучая Гэртона чтению, Кэтрин бросает вызов тому унижению, на которое она вместе с ним была обречена мстостью Хитклифа. Мести она противопоставляет любовь и так искупает родовую вину своей матери, которая в свое время отвергла своего бедного возлюбленного.

И происходит это через посредничество книги. При этом чтение «книги с чудесными картинками» (так она названа в романе) сопоставляется у Эмили Бронте с благородным трудом. «Они трудились», – говорит Нэлли Дин, с радостью сообщая об отрадных итогах этого труда.

Равноправие чтецов перед лицом книги, которое мы наблюдали в предыдущих случаях (Паоло и Франческа, Вертер и Лотта, Соня и Раскольников), здесь разрушено (нарратор называет их «ученик и учительница»), но результаты совместного чтения описаны у Э. Бронте похоже – как обретение сердечной привязанности, единения, уважения, восстановление друг друга до лелеемого идеала.

Литература XX–XXI вв., обращаясь к мотиву совместного чтения, повторяет, с одной стороны, сложившуюся семантику «общительного единения», понимания и восстановления другого – того, кто является партнером по чтению, а с другой стороны, разрабатывает *новые смыслы*. Так, в романе Д. Тартт «Щегол» (2013) совместное чтение изображается как способ формирования жизнеутверждающего мировоззрения, побеждающего искус смерти (Тартт, 2015). Не случайно материалом такого чтения в романе становится Достоевский – автор, изобразивший чтение в качестве залога воскрешения (об этом подробно: [Турышева, 2020]).

Параллель между сценой чтения Евангелия в «Преступлении и наказании» и сценой в «Щегле», в которой герои разговаривают об «Идиоте» Достоевского, не была обозначена в науке. С одной стороны, эта параллель выявляет очевидное сходство в функциональном использовании авторами мотива совместного чтения: и у Тартт, и у Достоевского рефлексия героев о книге изображается в качестве важного элемента инициации героя. Но с другой – Тартт меняет пафос сцены совместного чтения на противоположный: если у Достоевского Соня читает о воскрешении Лазаря с надеждой на воскрешение Раскольникова, то у Д. Тартт, наоборот, читатель Достоевского Борис пытается разрушить идентификацию своего друга с его героем – князем Мышкиным – но тоже во имя его воскрешения. Речь идет о главном герое романа Тео Деккере, опыт чтения Достоевского которого в разные моменты жизни моделирует у него разное самовосприятие и мировоззрение. И если первоначально это переживания катастрофического типа, то более поздний и совместный с другом опыт рефлексии над Достоевским, наоборот, оборачивается для героя жизнеутверждающими смыслами. И то и другое происходит под влиянием чтения романа Достоевского «Идиот».

Совместное чтение является сюжетобразующим событием в романе Бернхарда Шлинка «Чтец» (1995). В нем партнерами по чтению выведена безграмотная женщина Ханна Шмиц, пытающаяся в книгах найти ответы на жизнеопределяющие вопросы, и старшеклассник, в исполнении которого она слушает классические литературные тексты, вплоть до эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир». Вознаграждением усилий чтеца становится любовь: «Чтение вслух, душ, занятия любовью ... – таков был теперь неизменный ритуал наших свиданий» (Шлинк, 2009, с. 44).

Содержание вопроса, на который ищет ответ героиня в «чтении» книг, раскрывается во второй части романа, где героиня выводится как подсудимая на процессе по обвинению надзирательниц женских концлагерей. В «чтении» книг она пыталась понять содержание своей вины.

Изображенное у Шлинка совместное чтение партнерским назвать трудно: его инициатор не заинтересована в мнении другого. Она использует его в качестве инструмента, голоса, внимаемая которому только и может осуществить знакомство с книгой. Любовь, завершающая сеансы чтения, не становится элементом коммуникации, будучи ограничена лишь функцией платы. Диалог Ханна ведет только внутри своего сознания, сосредоточенного исключительно на поиске самопонимания и самооправдания. Здесь происходит тотальный разрыв сентиментального шаблона: чтение не сближает участников, а, наоборот, погружает одного из них в глубины собственного переживания.

Другой роман о чтении, венчающемся любовью, наоборот, изображает событие чтения как преодоление ситуации уединения. Это роман И. Кальвино «Если однажды зимней ночью путник...» (1979). Здесь совместное чтение движется энергией любви и интереса к партнеру, а не стремлением найти смыслы, приложимые к жизни. Хотя первоначально это чтение ради поиска смысла: Читатель, встретив Читательницу, вместе с ней пытается разобраться в загадках читаемых книг. Однако по мере того, как развиваются их отношения, цель чтения меняется. Влюбленным читателем движет уже не замысел разобраться в книжных смыслах, а замысел «ощутить сопричастность внутренних ритмов через книгу, читаемую одновременно двумя людьми», «установить... связь» с другим (Кальвино, 2000, с. 210).

Коммуникация, которая подразумевается в данном случае, это коммуникация не с автором, не с героем, не с собственным сознанием читателя, а с другим читателем. Предметом чтения в итоге становится Другой. Недаром любовная сцена описана в романе как акт чтения: «Читательница, теперь ты прочитана. Твое тело подвергается подробному прочтению через информационные каналы осязания, зрения, обоняния. Предметом чтения в тебе является не только тело. Тело значимо как часть некой суммы сложных элементов... с помощью которых представитель человеческого рода в определенных случаях полагает, что может прочесть другого представителя человеческого рода» (Кальвино, 2000, с. 109).

В романе Кальвино совместное чтение не связывается и с сентименталистским проектом обретения в другом понимающей, родственной души и единения с ней. Нет, душа другого, партнера по чтению, рассматривается у Кальвино как тайна, приближение к которой и является целью чтения.

Чтение как путь к Другому является предметом изображения в романе американской писательницы К. Дж. Фаулер «Книжный клуб Джейн Остен» (2004). В романе изображена деятельность клуба почитателей Джейн Остен, объединившихся с конкретной целью – помочь одной из героинь пережить развод. Впрочем, все герои, вошедшие в книжный клуб, переживают кризисный период

в своей жизни, преодоление которого они связывают с совместным перечитыванием Остен. «Кто, как не Джейн, выручит в беде», – именно так выражает себя надежда в момент создания клуба. Ставка при этом делается на возможность обрести «безукоризненное здравомыслие», мудрость и мужество Остен и ее героинь. В ходе обсуждения шести романов, читатели, изображенные Фаулер, подобно героям самой Остен, освобождаются от иллюзий и «предубеждений» и в финале обретают счастье: «Мы впустили Остен в свою жизнь, и теперь все либо замужем, либо с кем-то встречаемся» (Фаулер, 2006, с. 275). Таким образом, Остен становится посредником, «инструментом» в общении читателей с миром других людей.

Важно, что в совместном чтении также происходит преодоление иллюзий в отношении всевластия литературы. Так, одна из участниц книжного клуба, переживая предательство со стороны возлюбленной, первоначально характеризует книги Остен как «опасные» – в силу того, что они вселяют безосновательные надежды: это «книги, которым люди действительно верят, даже через сотни лет. Где добродетель ценится и вознаграждается. Любовь побеждает. Где жизнь – это роман» (Фаулер, 2006, с. 161), – сетует она. Однако за время деятельности книжного клуба героиня освобождается от претензий наивного читателя: «Если любовь не сложилась, Джейн Остен не виновата» (Фаулер, 2006, с. 89). Читатели, умудренные совместным чтением и обсуждением Остен, таким образом, снимают ответственность с литературы за собственные судьбы, освобождаются от ее власти, но с благодарностью принимают ее дары.

*Обсуждение результатов.* Безусловно, круг повествовательных текстов, разрабатывающих этот мотив, гораздо более широк, нежели совокупность привлеченных нами текстов, но сделанные на их основе наблюдения все-таки позволяют говорить об эволюции мотива совместного чтения. В литературе традиционализма (мы видели это у Данте) читатели, совместно читающие книгу, не дифференцируются как носители самостоятельного, индивидуального сознания, что акцентирует мысль о власти книжного образа, который эпохой рассматривается в качестве источника ложных моделей идентификации. И в этом плане совместное чтение вряд ли отличимо от чтения индивидуального, представленного в этой литературе в совокупности тех же коннотаций.

Литература сентиментализма уже подразумевает в ситуации совместного чтения взаимодействие разных сознаний, акцентируя, впрочем, их близость, которую чтение лишь подтверждает – в соответствии с эстетической мыслью времени, которая рассматривает чтение как воспитание сердечной общительности.

В литературе реализма появляется новая семантика мотива, связанная с темой взаимного преобразования. Очевидно, она коррелирует с размышлениями эпохи о роли художественного слова в воспитании человека.

Литература XX–XXI вв. мотив совместного чтения отчетливо связывает с темой коммуникации читателей друг с другом или с самим собой, в ходе которой формируется новый взгляд на мир, на себя и Другого как носителя иной

субъектности – в согласии с философской мыслью XX в. о коммуникации как диалоге с Другим. Кроме того, роман XXI в. разрабатывает мотив совместного чтения в контексте метарефлексии читателей, а именно их рефлексии о самой литературе, ее роли в их жизни. Таким образом, если начинается разработка этого мотива констатацией бессилия читателей перед властью текста (у Данте), то в новейшей литературе партнерам по чтению уже присваивается осознание самого факта этой власти, формирующей мировоззрение, право ее оспаривать и брать ответственность на себя. Именно в ситуации партнерского чтения, опосредованного присутствием заинтересованного Другого, и происходит обретение такой позиции.

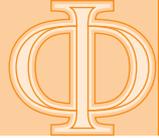
*Заключение.* Проведенное исследование показывает, что эволюция литературного мотива совместного чтения непосредственно связана с эволюцией представлений о прагматике литературы и субъектности человека и может быть реконструирована в опоре на эстетическую и философскую мысль времени.

### Список источников

1. Гете И.В. Страдания юного Вертера // Гете И.В. Собр. соч.: в 10 т. М.: Художественная литература, 1978. Т. 6. С. 7–104.
2. Данте А. Божественная комедия / пер. с итал. М.Л. Лозинского. М.: Интерпракс, 1992. 624 с.
3. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 6. 426 с.
4. Кальвино И. Если однажды зимней ночью путник / пер. с итал. СПб.: Симпозиум, 2000. 423 с.
5. Нерваль Ж. Сильвия // Нерваль Ж. Мистические фрагменты / пер. с фр. сост. Ю.Н. Стефанова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. С. 359–396.
6. Тартт Д. Щегол / пер. с англ. А. Завозовой. М.: Изд-во АСТ, 2015. 827 с.
7. Фаулер К.Д. Книжный клуб Джейн Остен / пер. с англ. М. Семенович. М.: Эксмо, 2006. 320 с.
8. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. М.: РИПОЛ классик, 2018. 242 с.
9. Шлинк Б. Чтец / пер. с нем. СПб.: Азбука-классика, 2009. 224 с.

### Библиографический список

1. Жиронкина О.М. Елизаров: «Библиотекарь» // Вопросы литературы. 2009. № 3. С. 118–122.
2. Касаткина Т.А. О дрожащей твари в «Преступлении и наказании» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 1 (29). С. 28–45. DOI: 10.22455/2619-0311-2025-1-28-45
3. Ковтун Н.В. Бунт читателя против книги в романе Вс. Бенигсена «ГенАцид» // Известия УрФУ. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 1 с. 56–71. DOI: 10.15826/izv2.2025.27.1.004



4. Ковтун Н.В. «Голый человек» и власть Книги: варианты Исхода (на материале романа «Кысь» Т. Толстой) // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2022. № 3 (51). С. 102–125. DOI: <https://doi.org/10.31249/chel/2022.03.06>
5. Ковтун Н.В. Книга – автор – читатель в поздних текстах В. Распутина // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. № 2 (139). С. 208–221.
6. Ковтун Н.В. Реальность и текст в прозе рубежа XX–XXI вв.: «Последний мир» К. Рансмайра и «Кысь» Т. Толстой // Кризис литературоцентричности: утрата идентичности vs новые возможности. М.: Флинта-Наука, 2014. С. 69–95.
7. Кочеткова Н.Д. Герой русского сентиментализма. Чтение в жизни «чувствительного» героя // XVIII век: Сб. XIV: Русская литература XVIII – нач. XIX в. в общественно-культурном контексте. Л.: Наука, 1983.
8. Налегач Н.В. Роль мотива чтения в романе К. Паустовского «Блистающие облака» (1928) // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 28–35. DOI: [10.21209/1996-7853-2020-15-5-28-35](https://doi.org/10.21209/1996-7853-2020-15-5-28-35)
9. Старобинский Ж. Поэзия и знание: История литературы и культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
10. Турышева О.Н. Достоевский, Сибирь и русский человек в романе Донны Тартт Щегол // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 1. С. 119–131. DOI: [10.15826/qr.2020.1.451](https://doi.org/10.15826/qr.2020.1.451)
11. Турышева О.Н. Книга, чтение, читатель как предмет литературы. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 285 с.
12. Турышева О.Н. Русский литературоцентризм в аспекте литературной рефлексии // Уральский филологический вестник. Сер.: Русская классика: динамика художественных систем. 2013. № 1. С. 228–243.
13. Ханов Б.А. Своеобразие функционирования советского дискурса в романе М.Ю. Елизарова «Библиотекарь» // Учен. зап. Казан. ун-та. 2015. Т. 157, кн. 2. Гуманитарные науки. С. 229–238.
14. Щербинина Ю.В. Бегство из литературного заповедника: о романе Всеволода Бенигсена «ГенАцид» // Вопросы литературы. 2010. № 6. С. 91–100.
15. Щербитко А.В. Роман Всеволода Бенигсена «ГенАцид»: испытание книгой // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2013. № 2. С. 30–38.

### Сведения об авторе

Турышева Ольга Наумовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; ORCID ID: [0000-0002-3014-6153](https://orcid.org/0000-0002-3014-6153); e-mail: [oltur3@yandex.ru](mailto:oltur3@yandex.ru)

## THE MOTIF OF SHARED READING IN NARRATIVE LITERATURE

**O.N. Turysheva (Yekaterinburg, Russia)**

### Abstract

*Statement of the problem.* The literary motif of shared reading has not yet been the subject of either theoretical or literary-historical analysis.

*The article's material* consists of narrative works from different literary eras, depicting the experience of partner reading.

*The purpose of the article* is to use the aesthetic thought of the time to trace how the motif semantics of the shared reading change in the literature of different artistic paradigms.

*Review of scholarly literature on the issue.* Studies of the reading motif in literature are rare. They are typically limited to analyzing the nature of individual reading and focus on identifying the range of reading for a character depicted in the act of interacting with literature. There is only one scholarly study of the artistic representation of shared reading: N. D. Kochetkova's article on the shared reading of characters in sentimental literature. Using specific examples, the author traces how the semantics of the partner reading motif has changed in the literature of different historical periods.

*Methodology (materials and methods).* The research methodology is synthetic and combines the immanent analysis of texts containing the motif of shared reading with reliance on historical-literary, comparative and hermeneutic methodology.

*Research results* demonstrate the features of artistic depiction of joint communication with a book in the literature of traditionalism, modernity and modern time.

*Conclusions.* The evolution of the literary motif of shared reading is directly linked to the evolution of aesthetic and philosophical ideas about the pragmatics of literature and human subjectness.

**Keywords:** *individual reading motif, shared reading motif, partner reading motif, reading hero.*

### References

1. Zhironkina, O.M. Yelizarov: "Bibliotekar" [M. Elizarova's novel "The Librarian"]. In: *Voprosy literatury [Questions of Literature]*. 2009, 3, 118–122.
2. Kasatkina, T.A. O drozhashchei tvori v "Prestuplenii i nakazani" [About the trembling creature in "Crime and Punishment"]. In: *Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal]*. 2025, 1 (29), 28–45. URL: <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-1-28-45> (access date: 25.11.2025).
3. Kovtun, N.V. Bunt chitatelya protiv knigi v romane Vs. Benigsena "GenAtsid" [The reader's rebellion against the book in Vs. Bennigsen's novel "GenAcid"]. In: *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 2025, 27 (1), 56–71. DOI: 10.15826/izv2.2025.27.1.004

4. Kovtun, N.V. “Golyy chelovek” i vlast’ Knigi: varianty Iskhoda (na materiale romana “Kys” T. Tolstoy) [“The Naked Man” and the Power of the Book: Variations of Exodus (based on the novel “The Slynx” by T. Tolstoy)]. In: *Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnyye aspekty [Man: Image and Essence. Humanitarian Aspects]*. 2022, 3 (51), 102–125. DOI: <https://doi.org/10.31249/chel/2022.03.06>
5. Kovtun, N.V. Kniga – avtor – chitatel’ v pozdnykh tekstakh V. Rasputina [The Book – the Author – the Reader in V. Rasputin’s Late Works]. In: *Izvestiya Ural’skogo federal’nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 2022, 2 (139), 208–221.
6. Kovtun, N.V. Real’nost’ i tekst v proze rubezha XX–XXI vv.: “Poslednii mir” K. Ransmaira i “Kys” T. Tolstoi [Reality and Text in the Prose of the Turn of the 21st Century: The Last World by K. Ransmayr and The Slynx by T. Tolstaya]. In: *Krizis literaturotsentrichnosti: utrata identichnosti vs novye vozmozhnosti [The Crisis of Literary Centricity: Loss of Identity vs New Opportunities]*. Moscow, Flinta-Nauka, 2014, 69–95.
7. Kochetkova, N. D. Geroi russkogo sentimentalizma. Chtenie v zhizni “chuvstvitel’nogo” geroya [A Hero of Russian Sentimentalism: Reading in the Life of a “Sensitive” Hero]. In: *XVIII vek: Sb. XIV. Russkaya literatura XVIII – n. XIX v. v obshchestvenno-kul’turnom kontekste [18th century: Collection XIV. Russian literature of the 18th – early 19th centuries in the socio-cultural context]*. Leningrad, Nauka Publ., 1983,
8. Nalegach, N.V. Rol’ motiva chteniya v romane K. Paustovskogo “Blistayushchie oblaka” (1928) [The role of the reading motif in K. Paustovsky’s novel “Shining Clouds” (1928)]. In: *Gumanitarnyi vector [Humanitarian vector]*. 2020, 15 (5), 28–35. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-28-35.
9. Starobinskii, Zh. *Poehziya i znanie: Istoriya literatury i kul’tury [Poetry and Knowledge: History of Literature and Culture]*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul’tury Publ., 2002. 496 p.
10. Turysheva, O.N. Dostoyevskiy, Sibir’ i russkiy chelovek v romane Donny Tartt “Shchegol” [Dostoevsky, Siberia, and the Russian people in Donna Tartt’s novel “The Goldfinch”]. In: *Quaestio Rossica [Quaestio Rossica]*. 2020, 8, No. 1, 119–131. DOI: 10.15826/qr.2020.1.451
11. Turysheva, O.N. *Kniga, chtenie, chitatel’ kak predmet literatury [Book, reading, reader as a subject of literature]*. Ekaterinburg, Ural. Universitet Publ., 2011. 285 p.
12. Turysheva, O.N. Russkiy literaturotsentrizm v aspekte literaturnoy refleksii [Russian Literary-Centrism in the Aspect of Literary Reflection] In: *Ural’skiy filologicheskiiy vestnik. Seriya: Russkaya klassika: dinamika khudozhestvennykh system [Ural Philological Bulletin. Series: Russian Classics: Dynamics of Artistic Systems]*. 2013, No. 1, 228–243.

13. Khanov, B.A. Svoeobraziye funktsionirovaniya sovetskogo diskursa v romane M. YU. Yelizarova “Bibliotekar” [The Peculiarities of the Functioning of Soviet Discourse in M.Yu. Elizarov’s Novel “The Librarian”] In: Uchen. zap. Kazan. un-ta. Gumanitarnyye nauki [Scientific Notes of Kazan University. Humanities]. 2015, 157 (2), 229–238.
14. Shcherbinina, Yu.V. Begstvo iz literaturnogo zapovednika: O romane Vsevoloda Benigsena “GenAcid” [Escape from the Literary Reserve: About Vsevolod Benigsen’s Novel “GenAcide”]. In: *Voprosy literatury [Questions of Literature]*, 2010, 6. P. 91–100.
15. Shcherbitko, A.V. Roman Vsevoloda Benigsena “GenAcid”: ispytanie knigoi [Vsevolod Benigsen’s Novel GenAcide: The Test of the Book]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Filologicheskie nauki [Bulletin of the Moscow State Humanitarian University named after M. A. Sholokhov. Philological sciences]*. 2013, 2, P. 30–38.

#### About the author

Turyshева, Olga N. – DSc (Philology), Associate Professor, Professor, Ural Federal University named after B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia); ORCID ID: 0000-0002-3014-6153; e-mail: oltur3@yandex.ru